

Корейцы: миграция по пути длиной в полвека (1864 – 1918)

Сон Ж.Г., к.и.н., доцент
Школы востоковедения
Факультета мировой экономики и мировой политики
НИУ «Высшая школа экономики»
Москва

Аннотация. Статья посвящена анализу архивных материалов и документов Архива внешней политики Российской империи о миграции корейцев в Россию и о российско-корейских отношениях с 1864 по 1918 гг. На основе большого фактического материала раскрываются особенности миграционной политики российского правительства применительно к корейцам на Дальнем Востоке. Показан механизм выстраивания отношений с мигрантами из Кореи, их обустройство в Приморье, роль и место корейцев в развитии русского Дальнего Востока, в школьном образовании, а также участие православной церкви в процессе натурализации корейцев в русскую культуру. Интерес вызывают материалы об участии корейцев в революционном и национально-освободительном движении на Российском Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, Корея, корейцы, миграционная политика, межэтнические отношения, иммиграция, история, культура

Abstract: Son Zh. G. Koreans: the migration along the path of in length a half-century (1864 - 1918). This article analyzes the archival materials and documents Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire about Korean migration to Russia and the Russian-Korean relations from 1864 to 1918. On the basis of a large factual material reveals the features of the migration policy of the Russian government applied to the the Koreans in the Far East. Shows the mechanism of building relations with migrants from Korea, their arrangement in Primorye, the role and place of the Koreans in the development of Russian Far East, in school education, and the participation of the Orthodox Church in the process of naturalization of Koreans in the Russian culture.

Keywords: Russia, Far East, Korea, Koreans, migration policy, inter-ethnic relations, immigration, history, culture

Вниманию читателей предлагается сборник материалов и документов Архива внешней политики Российской империи, впервые представленных на выставке в оригинальном и аннотированном виде. В 2014 г. исполнилось 150 лет с начала добровольного переселения корейцев в Россию. К празднованию этого юбилея Общероссийское объединение корейцев подготовило выставку материалов и документов, содержащих интереснейшие страницы истории русско-корейских отношений, истории корейского народа, зарождения первых контактов с русским и другими народами, формирования основ демократии на российской земле, истории российских корейцев.

Выставка была посвящена двум историческим событиям: 130-летию установления дипломатических отношений между Россией и Кореей и 150-летию начала добровольного переселения корейцев в Россию. Эти события уже получили высокую оценку со стороны Правительства России в ходе мероприятий, связанных с празднованием 140-летия начала

добровольного переселения корейцев на российскую землю. Инициаторами и организаторами выставки были Министерство иностранных дел Российской Федерации и Общероссийское объединение корейцев.

С научной точки зрения представление подобных документов, содержащих особую информацию для исследователей и не задействованных в научном информационном поле, поскольку нет доступа к текстам, нелогично и обязывает автора-составителя выставки к публикации данного блока архивных документов в виде сборника материалов и архивных документов.

Многолетние исследования русскими этнического характера соседних государств — Китая, Японии и Кореи — к концу XIX в. принесли свои плоды, о чем убедительно свидетельствуют документы дипломатического корпуса МИД России. Осторожность, с которой проводили внешнюю политику с этими государствами русские дипломаты, достойна и сегодня восхищения. Международная политика на русском Дальнем Востоке велась с целью не вызвать какого-либо военного конфликта на своих дальних рубежах и имела намерениями налаживание торговых отношений со всеми государствами.

Что касается Кореи, то еще до подписания Торгового договора (1884), российские власти знали о многовековой зависимости Кореи от Китая и Японии, об экономической бедности и беспомощности этой страны перед указанными двумя странами. Поневоле у России возникали рыцарские чувства в отношении оказания помощи слабой Корее в отстаивании своей независимости и самостоятельности. Однако восточные страны не понимали благородных устремлений со стороны России, обвиняя ее в агрессивных намерениях, какие сами имели к Корее.

В 1821 г. свои впечатления о Корее описывал пристав Пекинской миссии Тимковский (См. док. № 1). В Донесении пристава Российской пекинской духовной миссии Е.Ф. Тимковского Сибирскому генерал-губернатору (после возвращения из Китая) о Корее и о встрече 8 апреля 1821 г. с генералом Ли-юй-ху, направленным корейским королем на церемонию похорон китайского императора, является одним из первых описаний Кореи русскими официальными лицами.

В документе отмечается, что корейцы не смели торговать ни с кем, кроме как только с китайцами и японцами. И уже тогда Япония имела гораздо больше влияния на Корею, чем Китай. С какими-либо другими иностранцами иметь общение было воспрещено под угрозой смертной казни [64, л. 3, 128–130 об.]. Подобное ограничение в свободе действий отдельной суверенной страны показалось достаточно странным русскому приставу: «Малолюдство и мирный дух Корейцев причиною невнимания к ним со стороны Китайской

державы и самого пренебрежения, которое отражается в стеснительных поступках Китайских Чиновников с приезжающими в Пекин Корейцами» (См. док. № 1).

Далее в донесении описывались торговые отношения Японии и Кореи, где японское правительство строго наблюдало за тем, чтобы никаких отношений, кроме как только торговые с китайцами, корейцы не могли иметь. Японцы собирали с Кореи установленную подать золотом. Попытки же российского чиновника узнать причины столь обременительной для Кореи зависимости не увенчались успехом. Таким образом, русским приставом после первой встречи с представителем Кореи были сделаны выводы о том, насколько сильно Корея зависела от Японии и Китая, в особенности от первой.

Русские купцы стремились наладить знакомство с корейскими купцами. Многие из корейцев, пишет Е.Ф. Тимковский, бывая в Пекине, уже познакомились с русскими и весьма довольны нашим отношением к ним; понимают географическое положение и самое величие нашего Государства; иные, вероятно, через китайских купцов, получили даже понятие об обширности Кяхтинского торгового дела и о собственно предметах обмена, там производимого. Наша Северо-Американская Компания при счастливейших обстоятельствах могла бы войти в торговые связи с Кореей, основав порт на твердом берегу восточной Азии (См. док. № 1).

27 апреля 1861 г. императором Александром II был утвержден закон «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [65, с. 682]. Закон потребовался с целью освоения пустынных земель русского Дальнего Востока, отошедших к России после подписания Айгунского и Пекинского договоров с Китаем. Русским и иностранцам, желающим поселиться в Амурской и Приморской областях, при условии переселения за свой счет предоставлялось право выбора свободных участков казенной земли во временное владение или в полную собственность в размере до 100 десятин на семью. Они освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от платы за пользование землей – на 20 лет.

Русские власти в Приморье усматривали в иммиграции корейцев только положительные стороны. Во-первых, в край прибывают трудолюбивые землепашцы, не имеющие ни малейшего желания вернуться на родину. Во-вторых, еще прежде пишет в своем донесении российский посланник в Китае А.Г. Влангали (См. док. № 8*) директору Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухову, что пока мы не стоим твердою ногою во вновь приобретенных нами областях, пограничных Китаю, т. е. пока области эти не достигнут развития, то частные неофициальные отношения между пограничными жителями и властями могут лучше всего оказать наибольшую пользу для края и подготовить отношения, которые со временем должны будут установиться сами собою

между Правительствами.

Успешное обустройство на русской земле корейских крестьян, получившие возможность спокойно возделывать столько земли, сколько они были в силах обработать, отсутствие налогов позволяло корейцам всю прибыль оставлять в своем личном хозяйстве. Безусловно, это стало привлекательным фактором для усиления иммиграционного процесса из Кореи.

В российской и зарубежной историографии российско-корейские отношения и история добровольного переселения корейцев в Россию широко исследуются и остаются актуальными в настоящее время. На наш взгляд, историю добровольного переселения корейцев в Россию, имеющую свое начало с 1864 г., и историю российско-корейских отношений (1884) необходимо рассматривать как единое целое. Представленные в данной публикации документы и материалы о добровольном переселении корейцев на территорию российского Дальнего Востока доказывают непосредственную связь российских приморских властей с руководством МИДа Российской Империи по вопросам переселения корейцев на российскую территорию.

С момента установления официальных отношений между Россией и Кореей в 1884 г. отечественная историография и публицистика уделяли особое внимание изучению истории, экономики и политики Кореи.

Дореволюционный период историографии освещает главным образом государственную политику России на Дальнем Востоке. Авторы ряда работ, будучи государственными деятелями, рассматривали вопросы о формировании корейского населения в дальневосточных областях с позиции внутренних и международных интересов России в этом регионе. В своих выводах они опирались на конкретные законодательные акты, как государственные, так и межгосударственные, действовавшие в то время.

Наиболее содержательной работой, опубликованной в 1892 г., является книга русского дипломата М.И. Поджо [52]. Будучи сотрудником Азиатского департамента Министерства иностранных дел, по вопросам русско-корейских отношений он выражал официальные взгляды правительства.

Среди государственных чиновников о проблемах корейской миграции писали следующие авторы: П.Ф. Унтербергер, являвшийся в 1888–1897 гг. губернатором Приморской области, а после русско-японской войны ставший Приамурским генерал-губернатором; Н.А. Насекин, служивший в 1890-х годах старшим чиновником по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе; подполковник российского генерального штаба А. Рагоза; чиновник по особым поручениям Переселенческого

управления МВД, а с 29 ноября 1916 г. по 27 февраля 1917 г. последний министр земледелия царского правительства А.А. Риттих и др.

Их работы насыщены фактическим и статистическим материалом, почерпнутым из официальных документов, переписей населения, отчетов о специальных командировках и т. д. Более того, эти труды позволяют не только проследить эволюцию иммиграционной политики царского правительства в дальневосточном регионе страны, но и выполнять также комплексный анализ корейской иммиграции и жизни корейцев в России.

Руководитель экспедиции 1867–1869 гг. в Уссурийский край Н.М. Пржевальский (член Петербургской Академии наук с 1878 г.) посетил первые корейские селения Посьетского участка и назвал корейскую иммиграцию одним из «замечательных явлений, совершающихся ... на крайнем востоке Азии» [53, с. 105]. В его книге впервые были представлены статистические данные о численности корейцев, достаточно подробно освещена жизнь корейцев в России.

Следует отметить публикацию А.А. Алябьева, где автор подтверждает, что эмиграция из Кореи осуществлялась вопреки запрету со стороны корейских властей. Автор выражает сомнение в том, что она может в будущем служить на пользу России. Поселение корейских иммигрантов на границе с Кореей, отмечает автор, «вряд ли можно назвать искусным и удачным» по следующим причинам: во-первых, при таком положении, когда на границе с Кореей живут в основном корейцы, русские «переселенцы не могут чувствовать себя вполне безопасными», во-вторых, «поселенные особняком» корейцы «не так скоро сольются с русским населением, что весьма важно и легко было бы сделать». А.А. Алябьев предложил селить корейцев в Ханкайском округе северозападнее села Никольского, где и земля была лучше. Благодаря этому корейцы могли бы принести больше пользы как землепашцы. Условия для их натурализации там также были более подходящими [2, с. 112–113].

Сибирский историк и публицист В.И. Вагин в своем труде «Корейцы на Амуре» [7] представил довольно полную историю переселения корейцев за 1863–1872 гг. Автор являлся одним из основателей либерально-демократического направления в историографии проблемы, положительно оценивавшего переселение корейцев на российскую территорию. К этой когорте либерально-демократической части русского общества к Корее относятся писатель-гуманист И.А. Гончаров [11], путешественник Н.М. Пржевальский [53], писатель Н.Г. Гарин-Михайловский [10], ученый, публицист, путешественник М.И. Венюков [9] и др. Их труды проникнуты чувством симпатии к обездоленному корейскому народу, с теплотой отмечают «услужливость, вежливость, трудолюбие» корейских крестьян. О дремлющих силах и способностях, «таящихся в корейской народности и лишь не имевших

возможности проявиться в силу неблагоприятных условий», при которых «народ задавлен ударами судьбы и тяжкими экономическими условиями», писали и другие русские путешественники [58].

А.Д. Сташевский в начале 80-х годов XIX в. отмечал, что «корейское население часто переходит на русскую сторону реки (Туманган), спасаясь от преследований своего правительства или же отыскивая себе средства к существованию. Водворяясь в Приморской области, они подчиняются, конечно, русским законам и даже обучаются в русских школах; последнее обстоятельство подало повод некоторым писателям говорить о стремлении России распространить свое влияние среди корейского населения, дабы облегчить себе в ближайшем будущем приобретение незамерзающих портов на корейских берегах и возможность сделать Корею своим операционным базисом не только в случае войны с Китаем, но даже прямо при неприязненных столкновениях с Англией».

Далее следует сноска, в которой отмечается: «М. Grifis, при своем описании Кореи, по-видимому, не избег участи большинства англичан, лишь только речь касается России. Им везде сняты коварные замыслы России, разные происки, стремления и т. п., что часто и не снится нашим дипломатам. На нашем месте англичане, наверное, давно уже воспользовались бы соблазнительным соседством Кореи» [7, с. 29]. К сожалению, отношение западных государств к России и к ее государственной политике остается неизменным и в XXI веке.

Вопросам корейской иммиграции посвящена статья И.П. Надарова об Уссурийском крае. На основе статистических данных о первых переселенцах из Кореи он отмечал: «Корейцы, живущие в Уссурийском крае, считаются русскими подданными и управляются нашими властями и по нашим законам» [33, с. 145]. Это замечание, несмотря на то, что корейцы в этот период еще не принимались в русское гражданство, говорит о том, что как принимающая сторона, так и иммигранты-корейцы были лояльно настроены друг к другу.

Многие дореволюционные авторы, в их числе А. Рагоза [55, с. 206–222] и Ф. Вебель [8], справедливо видели укрепление позиций России на Дальнем Востоке в увеличении здесь коренного русского населения. Оба автора высказывались за запрещение переселения корейцев в русские пределы. Так, например, Ф. Вебель в своей статье писал: «Одно из главных значений для нас торговых правил 1888 года заключается именно в том, что правилами этими прекращено на будущее время самовольное заселение Южно-Уссурийского края корейцами» [8, с. 193]. Однако эта межправительственная договоренность не соблюдалась. Мероприятия по запрещению переселения корейцев проводились в конце 1880-х – начале 1890-х гг. Приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом. Однако с вступлением в эту должность генерал-лейтенанта С.М.

Духовского политика администрации по отношению к корейским переселенцам изменилась.

Заслуживает внимания книга заведующего переселением в этот край в 1882–1892 гг. Ф.Ф. Буссе. В ней представлена общая демографическая ситуация в Южно-Уссурийском крае и дана положительная оценка значению переселения корейцев на Дальний Восток России [6, с. 173].

Вопросами переселения корейцев занимался А.А. Риттих; им показан механизм оседания корейских отходников в Уссурийском крае в последней четверти XIX в.: «Каждый год с весною являются к нам на летние заработки новые выходцы (из Кореи). Они живут по особым билетам, выдаваемым полицией, хотя многие ускользают от регистрации. Поселившись в корейской деревне, эти выходцы служат сперва батраками, затем арендуют клочок земли у кого-либо из односельчан или прямо распахивают свободную, строят потом фанзу и выписывают семью. Всё это происходит постепенно и настолько незаметно, что администрации приходится обыкновенно считаться с существующим фактом и останавливаться перед разорением целой семьи, целого хозяйства» [56, с. 35].

Значительный вклад внес в исследование истории корейцев в России Н.А. Насекин. Работа его насыщена документальными сведениями и личными наблюдениями в ходе поездок по многим корейским селам Приморской области. Автор описывает социально-экономическое положение корейских иммигрантов с 1864 г., когда началось движение выходцев из Кореи в Уссурийский край, вплоть до 1895 г. Следует отметить, что эта работа из всех дореволюционных исследований является самой информативной и интересной. Н.А. Насекин рассматривает важный вопрос административного устройства, им представлен географический и этнографический обзор корейских селений, имеются сведения о школьном образовании и т. д. Описывая массовое переселение корейцев в пределы русского Дальнего Востока зимой 1869–1870 гг., автор замечает, что одной из основных причин иммиграции корейцев в Россию было твердое убеждение корейцев, что на русской земле они наконец-то обретут полноправность, «которой были лишены в Корее», и смогут осуществлять свои индивидуальные, частные интересы [37, с. 14].

Н.А. Насекин выступал за скорейшее принятие корейцев в русское подданство и был против выселения даже тех корейцев, которые иммигрировали в Россию после 1884 г. и в соответствии с договоренностью с правительством Кореи и последовавшим затем циркуляром Приамурского генерал-губернатора должны были возвратиться обратно в Корею. Впоследствии почти все они стали русскими подданными, чему в немалой степени способствовал Н.А. Насекин. Его деятельность как старшего чиновника по особым

поручениям при Приамурском генерал-губернаторе сыграла определенную роль в формировании взглядов С.М. Духовского на корейскую иммиграцию.

Описание единственного в Амурской области корейского села Благословенного сделал А.В. Кириллов. В своем труде он привел многочисленные статистические данные, а также предложил меры, которые необходимо предпринять «в интересах большего сближения и объединения корейцев с русскими» [21, с.12].

Трудно обойти вниманием книги П.Ф. Унтербергера — наиболее яркого представителя официально-консервативного направления историографии. Автором предпринята попытка осветить все основные стороны социально-экономической жизни населения Приморья и Приамурья. В течение 10 лет (1888–1897) П.Ф. Унтербергер был военным губернатором Приморской области, он вполне лояльно относился к корейской иммиграции. В 1889–1891 гг. он защищал корейцев Посъетского участка от выселения вглубь Приморской области, что надлежало сделать в соответствии с законом от 22 ноября 1886 г. К сожалению, ни об этом законе, ни о роли Унтербергера в его неосуществлении пока нет никаких исследований. В официальной переписке П.Ф. Унтербергер неоднократно указывал на объективные причины отказа от проведения в жизнь этого закона.

В своей первой книге П.Ф. Унтербергер посвятил корейцам довольно много места. На четком историческом фоне Дальнего Востока России показана роль корейцев в социально-политическом и экономическом развитии региона. Следует еще коснуться, пишет П.Ф. Унтербергер, переселения одной народности, которая занимает видное место в составе населения края. Это – корейцы [62, с. 110]. Всё увеличивающееся благосостояние живущих у нас корейцев, отмечает автор, поставленных в несравненно лучшие условия жизни, чем у себя дома, служило стимулом для той части заграничных корейцев, которая бедствовала у себя дома, также эмигрировать к нам. Препятствовать этому мы почти не могли по недостатку полицейского надзора за пограничной линией и за разбросанными на нашей территории корейскими поселениями [62, с. 111].

За долгие годы службы на Дальнем Востоке П.Ф. Унтербергер имел огромный опыт, и в его лице правительство видело человека, который мог бы укрепить пошатнувшийся после русско-японской войны авторитет России. Как непосредственный представитель верховной власти государства на огромной окраинной территории страны, он делал всё от него зависящее, чтобы оправдать надежды императора на сохранение и приумножение авторитета России в Восточной Азии.

После русско-японской войны мнение П.Ф. Унтербергера о корейцах изменилось, и он провел ряд мероприятий, которые затрудняли их переселение и оседание, а также

трудоустройство в Приамурском крае. Причиной изменения его политики в отношении корейской иммиграции явилось то, что в русско-японскую войну уклонение корейских крестьян от подводной повинности приняло очень широкие размеры. Впервые данный аспект подробно рассматривается в третьей главе монографии А.И. Петрова [51].

В 1900 г. в России вышло «Описание Кореи» в трех томах, ставшее событием в истории не только российского, но и мирового корееведения. Книга содержала полный свод сведений о Корее, огромный фактический материал по русско-корейской торговле, данные, характеризующие экономическое проникновение русского капитализма в Корею. Также был показан вклад русских ученых и путешественников в изучение Кореи, содержатся материалы о русско-корейских политических отношениях по окончании японо-китайской войны.

После русско-японской войны 1904–1905 гг. были опубликованы исследования П. Россова [59], где впервые рассматриваются вопросы развития общественно-политической мысли и формирования национального самосознания корейцев.

Широкий круг вопросов охватывает исследование поручика В.Д. Песоцкого [49], выпускника Восточного института в г. Владивостоке, назначенного членом Амурской экспедиции, организованной в 1909 г. Автор уделил много внимания переселению корейцев в Маньчжурию, что позволяет определить общность причин эмиграции из Кореи в Россию и Китай. Подробно анализируется социально-экономическое положение корейцев в Приамурском крае.

Работа одного из ведущих участников Амурской экспедиции начала XX в. В.В. Граве, посвящена как временной, так и постоянной иммиграции корейцев, китайцев и японцев на российский Дальний Восток. Ценность исследования заключается в том, что автор проводит параллели между иммигрантами из Китая, Кореи и Японии и что представлены статистические данные для сравнительного анализа.

Различные стороны жизнедеятельности корейцев в России, подтвержденные фактологическими и статистическими сведениями, рассматриваются в работах В.К. Арсеньева [5], Н.А. Крюкова [28], Е.Т. Смирнова [61] и других авторов.

Подводя итог краткому анализу дореволюционной литературы по истории корейцев в России и российско-корейским отношениям, необходимо отметить, что зачастую авторы являлись очевидцами тех или иных событий и, в дальнейшем описывая их, опирались на категории справедливости, законности с морально-этических позиций, веры и т. д. С другой стороны, доступ к официальным документам зачастую был ограничен, в связи с чем их работы менее аргументированы. Тем не менее, представленные работы имеют большое

значение, поскольку правдивы в изложении исторических событий, богаче и шире раскрывают историческую действительность изучаемого периода.

Изучение политики России в Корее продолжалось после Октябрьской революции. Появились работы по истории дальневосточной политики России, в которых ставились вопросы и о позиции России в корейском вопросе [58].

Первым исследованием, в котором был проведен анализ деятельности русской дипломатии в Корее во время японо-китайской войны 1894–1895 гг., являлась диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.П. Нихамина [38]. Она посвящена теме «Русско-японские отношения и Корея 1894–1898 гг.». Автор использовал большое число дипломатических и других документов Архива внешней политики МИД СССР, в которых на фоне русско-японского соперничества показана позиция России по отношению к агрессивной политике Японии в Корее.

Также следует отметить коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке» [36] и научный труд А.Л. Нарочницкого [35], в которых освещается позиция России в корейском вопросе в период насильственного открытия корейских портов капиталистическими державами и обострения борьбы между Японией и Китаем из-за Кореи.

Дипломатическая история периода русско-японской войны 1904–1905 гг. была в центре внимания исследования Б.А. Романова [57], где показаны роль и место Кореи в 1895–1907 гг. в русско-японском соперничестве на Дальнем Востоке. Л.Н. Кутаков [30] обратился к анализу попыток русской дипломатии отстоять независимость корейского государства в ходе Портсмутской мирной конференции. Отношение России к корейской проблеме в период подготовки и осуществления аннексии Кореи Японией исследовано в труде С.С. Григорцевича [12].

После революции 1917 г. стали появляться статьи об участии корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской борьбе за независимость Кореи и за установление советской власти в этом регионе. К вопросам истории и экономики обращались косвенно, освещали социально-экономические стороны жизни российских корейцев и их роль в хозяйственном освоении края.

Следует упомянуть С.Е. Кремянского и Н.Н. Салтыкова. В 1924 г. ими была сделана попытка на основе сельскохозяйственных переписей 1917 и 1923 гг. на Дальнем Востоке показать динамику численности различных национальных групп населения, в том числе и корейцев, и осветить некоторые стороны их жизни [26].

В статье И. Киммангёма [20], посвященной советскому строительству и участию в нем корейского населения, даются резкие оценки политики царского правительства по отношению к корейцам. Данная работа интересна тем, что написана этническим корейцем,

активным борцом за советскую власть, выдающимся политическим деятелем, участником Первомартовского движения в Корее против протектората Японии. В основном исследование содержит критику царского самодержавия в отношении корейцев-переселенцев на российском Дальнем Востоке. Фактически в статье были выделены первостепенные задачи, которые на тот момент решались советской властью – это наделение земель крестьян, образование и медицина. Критикуя дореволюционное правительство, выводы автора зачастую лишены логики и не имеют доказательной базы. В частности, он отмечал: «Царская политика в отношении корейского населения характеризовалась всяческим угнетением и создавала зависимость корейцев от зажиточного русского крестьянства» [20, с. 201].

Примечание: Иван Киммангём (Ким Мангём) (псевдоним: Серебряков Иван Степанович) (1886–1938). Родился в Приморье. Участвовал в революции 1905 г. Был учителем школы в Корейской слободе г. Владивостока. В 1911–1912 гг. – корреспондент газеты «Далекая окраина» в Сеуле. После Февральской революции 1917 г. – председатель волостного исполкома в Приморье. В мае 1920 г. выехал вместе с Г. Войтинским в Шанхай для коммунистической работы. С мая 1921 г. – член ЦК Корейской коммунистической партии (Иркутская группа). После Гражданской войны – уполномоченный по корейским делам Приморского губисполкома. Арестован в 1935 г. органами НКВД и в 1936 г. освобожден. Арестован 28 мая 1938 г. Постановлением тройки УНКВД Алма-Атинской обл. 7 октября 1938 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 8 октября 1938 г. Реабилитирован Военным трибуналом Туркестанского военного округа 9 июня 1958 г.

Известно, что для обустройства на русской территории корейцы-переселенцы первое время брали в аренду землю у местных крестьян, независимо от национальности это могли быть и русские, и уже обустроенные корейцы. Архивные документы и исследования изучаемого периода констатируют факт добровольного переселения корейцев на русский Дальний Восток, более того, о каком-либо угнетении со стороны русских властей говорить не приходится, напротив, корейцы-переселенцы имели личную свободу и пространство.

Что касается образования, то проблемы культурной политики в начальный период освоения Приамурского края стояли на втором плане. Во многих русских дальневосточных селах и деревнях не было никаких школ, поэтому обвинять российское правительство, по крайней мере, несправедливо. По данным А. Петрова, ежегодно с 1866 г. из экстраординарных сумм губернаторами выделялись средства на корейские школы, а в 1873, 1874, 1875 годах — из Амурского кредита [51, с. 206–227].

Архивные документы, представленные в данном сборнике, опровергают выводы И. Киммангёма и об отношении царского правительства к корейцам-переселенцам: оно было не только гуманным, но более из сочувствия к бесправному на своей родине трудолюбивому народу выстраивались миролюбивые отношения.

Исследование проблем, связанных с формированием корейского населения в Приамурском крае, посвящена, вышедшая в 1928 г. работа С.Д. Аносова [3]. Основное

внимание автор уделит социально-экономическому положению корейского населения советского Дальнего Востока в 1923–1926 гг. Им был также опубликован исторический очерк корейского переселения в Россию, написанный в основном по опубликованным материалам. Ценность работы С.Д. Аносова состоит в том, что он показал социально-экономические и политические изменения, происходившие после 1917 г. Корейцы глубоко верили в Россию и представляли ее как мощное, стабильное и справедливое государство. Если бы не аннексия Корейского государства Японией, то коммунистические лозунги, которые предполагали даже совместную борьбу (или, во всяком случае, помощь корейскому народу) за освобождение Кореи заставили часть из них поверить большевикам.

Книга Ким Сын Хва [18] является самым крупным исследованием советского периода историографии и истории корейцев в России и в СССР. Она охватывает целый комплекс проблем истории корейского населения с 60-х годов XIX в., когда началась корейская иммиграция в Россию, до конца 50-х годов XX в. Первая глава книги посвящена социально-экономическому положению Кореи во второй половине XIX в. и причинам переселения корейских крестьян на русскую территорию. На основе анализа многочисленных данных автор показывает самую безрадостную картину жизни простых корейцев, задавленных в то время феодальным гнетом, а также эксплуатацией проникавшего в страну иностранного, в основном японского капитала.

Основное внимание автор уделит анализу антияпонского движения корейцев Приамурского края, их участию в борьбе за власть Советов, которую вела Народно-революционная армия Дальневосточной республики (ДВР), а также созданию и боевым действиям корейских и смешанных русско-корейских партизанских отрядов, сражавшихся против интервентов и белогвардейцев, участию корейского населения СССР в строительстве социализма.

Основным недостатком книги, на наш взгляд, является слабая источниковая база: сказывается ограниченный доступ к архивным материалам. Несмотря на неточности, заслуга Ким Сын Хва состоит в том, что он был первым из советских историков, посвятивших свое исследование проблемам формирования корейской общности в России.

Следует отметить, что в основной массе публикаций советского периода по истории российского Дальнего Востока, в том числе и истории российских корейцев, из идеологических соображений и имевшей место цензуры корейское население и его роль в освоении этого региона России полностью игнорировалась. Например, в книге «50 лет советскому Приморью», написанной в форме перечисления событий за 1917–1967 гг., с кратким описанием по хронологическому принципу, нет ни одного упоминания о корейцах, так же как нет ни одного корейского имени [54].

Начавшиеся после распада СССР процессы демократизации российского общества вывели на новый виток в изучении истории российских корейцев. Однако первые статьи зачастую были излишне политизированными, обличительно-обвинительными или несли оправдательный характер. В основном они были посвящены депортации корейцев с советского Дальнего Востока в республики Средней Азии и в Казахстан в 1937 г. Истории корейской иммиграции в Россию не было уделено достаточного внимания.

В 1993 г. была издана книга Б.Д. Пака «Корейцы в Российской империи. Дальневосточный период» [42], в которой выявлены причины переселения корейцев на русский Дальний Восток, их социально-экономическое и правовое положение, участие корейской эмиграции в революционном движении против царизма, в антияпонской борьбе за независимость Кореи.

В монографии «Корейцы в Советской России (1917–конец 1930 гг.)» [43] Б.Д. Пак анализирует экономическое, политическое и правовое положение корейского населения в России со времени установления советской власти в 1917 г. до насильственной депортации корейцев из Дальневосточного края в Казахстан и в республики Средней Азии.

Книга А.Т. Кузина «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы» [28] довольно познавательна. Она состоит из двух частей: «Корейцы на Дальнем Востоке России (1862–1937 гг.)» и «Сахалинские корейцы. 1870–1992 гг.». Читатель имеет возможность сравнить те или иные явления как во временном пространстве, так и в территориальном. Автор затрагивает проблему корейцев, перевезенных японцами в южную часть острова Сахалин, принадлежавшую Японии после русско-японской войны. О дореволюционной истории корейцев в России в книге имеются небольшие фрагменты.

Частично проблем истории российских корейцев касается в своих многочисленных работах и М.Н. Пак. В его публикациях дано объяснение необходимости коренных изменений в вопросах формирования самосознания и национального сознания российских корейцев, вовлечения их в процесс натурализации [46, с. 187].

Авторы, издававшие свои труды в 1990-е годы, обращались и к такой проблеме как реабилитация репрессированных этнических общностей. Но применительно к российским корейцам она подробно не исследовалась, хотя многие стороны этой проблемы становились известными. В этом плане свой вклад в изучение указанного аспекта внесли как историки, так и правоведы, политологи, практики сферы межнациональных отношений [31].

Книга С.Г. Нам «Российские корейцы: история и культура» посвящена жизни корейцев на территории Дальневосточного края. Автор описывает изменения, происходящие в культурной жизни своих соотечественников [34]. Собран богатый материал о школьном образовании, прессе, корейских традициях и обычаях.

В 1999 г. в Казахстане опубликована работа Г.Н. Кима «История иммиграции корейцев» [14] — первый обобщающий научный труд, посвященный истории иммиграции корейцев в мировом масштабе.

В 2000–2001 гг. были опубликованы две монографии А.И. Петрова «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века» [50] и «Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг.» [51]. Работы посвящены истории корейской диаспоры в России от появления в Южно-Уссурийском крае первых переселенцев из Кореи до приема в подданство, о большой группе корейцев, оседло проживавших в Приморской и Амурской областях. Большое внимание уделено проблемам расселения и численности корейских иммигрантов на Дальнем Востоке России, их международно-правового положения, хозяйственной деятельности, школьного образования, религиозных верований, социально-бытовых условий жизни. На большом фактическом материале анализируются особенности иммиграционной политики российского правительства в отношении корейцев. Ценность работы заключается в том, что автором выявлен и разработан огромный пласт новых архивных материалов и документов, приведен скрупулезный анализ статистических данных, фактически освещены все стороны жизнедеятельности корейцев на российском Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

Будет справедливым считать исследование А.И. Петрова самым информативным и теоретически обоснованным с точки зрения истории формирования и развития корейской диаспоры на Дальнем Востоке России. В первой книге рассматривается период с момента появления первых выходцев из Кореи в Южно-Уссурийском крае в 1860-х годах до конца XIX в.

Главной причиной начала переселения корейцев, как справедливо считает автор, является отмена крепостного права 5 (17) марта 1861 г. в России. С момента объявления манифеста крестьяне освобождались от крепостной зависимости и получали ряд личных и имущественных прав. Безусловно, эти реформы не могли не повлиять на миграционные процессы в Российской империи.

Дискуссионным остается вопрос использования термина «диаспора». По мнению А.И. Петрова, диаспора – это определенная часть населения данной страны, состоящая из иммигрантов (или их потомков), объединенных общим родным языком и принадлежащих к одной национальности и культуре. Первоначальным источником формирования диаспоры являются представители одной национальности, проживавшие ранее в иностранном государстве (на этнической родине), которые в свое время по тем или иным причинам эмигрировали в данную страну. Главным связующим элементом между отдельными

индивидуумами в пределах одной диаспоры являются общие и единые язык и культура их предков, а также родственников, проживавших и проживающих на их этнической родине.

Этот связующий элемент в официальной и (или) неофициальной форме имеет определенную подпитку со стороны как этнической родины представителей данной диаспоры, так и того государства, где данный язык и (или) культура имеют официальный статус. Эта подпитка осуществляется или может осуществляться через непосредственные контакты, переписку, средства массовой информации, организацию культурных мероприятий и т. д.

Ядром диаспоры являются натурализовавшиеся семьи и индивидуумы, стремящиеся максимально и в то же время (с их точки зрения) до разумных пределов слиться с населением данной страны через усвоение ее государственного языка, законов и культуры. Главными характерными внешними чертами той или иной диаспоры являются, во-первых, стремление к компактности проживания, во-вторых, наличие определенных органов самоуправления того или иного уровня, в-третьих, проведение в жизнь определенных единых целей и задач по обеспечению своей жизнедеятельности [48, с. 12].

Можно согласиться с автором, что корейская иммиграция в Россию с самого начала имела все характеристики диаспоры: корейцы прибывали семьями и в основном большими группами. Такая форма иммиграции наряду со слабой заселенностью Южно-Уссурийского края предполагала как компактность проживания корейских переселенцев, так и их стремление к сохранению своих традиций, языка и культуры. В противном случае было просто невозможно выжить. Это тем более верно, если учесть, что корейская культура земледелия, которую нельзя отделить от национального самосознания корейцев, требовала значительных затрат ручного труда [49, с. 252].

Переселение корейцев в Россию не было временным, иммиграция происходила с целью постоянного проживания на этой земле, собственно ожидания улучшения материального и правового положения стали осуществляться уже с первых лет жизни на российской земле. Несмотря на существенные различия между русской и корейской культурами, корейцы-переселенцы благодаря своему самоотверженному труду и своей законопослушности стали неотъемлемой частью российского общества, о чем свидетельствует донесение чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе в Первый департамент МИД России об организации Комитета по устройству празднования пятидесятилетия переселения корейцев в Приамурский край (См. док. № 185*), о проекте предстоящего празднования, намеченного на 21 сентября 1914 г. Это был первый документ подобного рода в истории корейцев России. Появление его, на наш взгляд, является доказательством того, что корейцы были приняты не только де-юре,

но и де-факто полноправными членами российского общества, и это переводило их из состояния диаспоры в категорию российских граждан. Постоянное проживание корейцев на российской земле в течение 50 лет обусловило то, что их дети, выросшие на этой земле, во втором и третьем поколениях уже не могут причисляться к диаспоре. Однако теоретически корейцы России и стран СНГ на исторической родине и в настоящее время могут относиться к этой категории.

Исторический промежуток времени во второй книге определяется А.И. Петровым с 12 октября 1897 г. по февраль 1917 г. и назван новым периодом истории корейской диаспоры в России. Его основным отличием, считает автор, является то, что в конце 90-х годов XIX в. корейцы были приняты в русское подданство, став равноправными членами российского общества. Вторая особенность — это то, что численность корейской диаспоры росла значительно быстрее, чем в первый период. Третья особенность заключается в формировании внутри российской корейской диаспоры политической эмиграции, которая развернула национально-освободительное движение, направленное на борьбу против японского господства в Корее [50, с. 7].

Во второй книге, состоящей из пяти глав, автор подробно раскрывает причины и интенсивность корейской иммиграции в Россию, основные места размещения корейского населения в России и его численность, дает анализ особенностей национальной и иммиграционной политики российского правительства в отношении корейцев. Книга посвящена общественным отношениям и социальным институтам корейцев, в ней акцентируется внимание на проблемах землепользования корейских крестьян, общественных управлениях корейцев в городах Дальнего Востока, отмечается высокая самоорганизация корейцев. Новый взгляд прослеживается в анализе социального расслоения внутри корейской диаспоры.

На рубеже XIX–XX вв. примерно 16 тыс. корейцев, поселившихся на русской территории и проживавших не менее пяти лет, были приняты в русское подданство. В этот период земли отводились не отдельно каждому домохозяину, а целым селениям (сельской общине), куда включалась земля для церквей и школ. Таким образом, жители определенного села имели в своем распоряжении строго определенный участок земли, и другую землю обрабатывать по существующему законодательству не имели права. С этого времени, отмечает автор, наметилась тенденция к растущему социальному неравенству между двумя группами корейского населения: русских подданных и корейцев-иностранцев [50, с. 138]. Одним словом, стали появляться группы промышленной, торговой и сельской буржуазии, но и внутри этих групп протекало социальное расслоение.

Интерес вызывает и участие корейцев — подданных Российской империи, впервые выступивших с оружием в руках на защиту своего нового отечества в 1900 г., на охрану государственной границы и на борьбу с бандами хунхузов. На действительную военную службу в русской армии корейцы были призваны в 1909 г., и автор также приводит количественные характеристики по селам. Содержательными являются главы об экономике, культуре российских корейцев, охватившей школьное и специальное образование, религиозные верования, а также корейское национально-освободительное движение против японских колонизаторов.

Безвременно ушедший из жизни А.И. Петров внес огромный вклад в малоизученную тему, показал роль и значение корейцев-переселенцев в социально-экономическом развитии российского Приморья в дореволюционный период.

В феврале 2004 г. Правительство Российской Федерации, оценивая значительный вклад корейцев в создание экономического потенциала страны, в этнокультурное возрождение общностей, издало Распоряжение о проведении мероприятий, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию (№ 149р от 6 февраля 2004 г.). Это был фактически второй документ подобного содержания в истории этнических меньшинств России после 1914 г., когда вследствие начала Первой мировой войны празднование 50-летия было отменено (См. док. № 186). В 2004 г. проект был успешно осуществлен.

В связи с исторической датой ученые России и Республики Корея подготовили к изданию богатый научный материал. Этой теме посвящена совместная монография Б.Д. Пака и Н.Ф. Бугая. На основе большого корпуса использованных архивных документов и материалов ими определяется дата добровольного переселения корейцев в Россию – 1864 год [45].

Авторами анализируются многие аспекты истории российских корейцев, активное участие их в борьбе за советскую власть в 1917 г., в партизанском движении в годы Гражданской войны, представлены организаторы корейского российского движения, участники строительства социалистического государства, колхозного движения и новой культуры. Советские корейцы, взаимодействуя с русской культурой, сумели сохранить и свою национальную культуру. В обобщающем виде впервые представлен в книге раздел, в котором повествуется об участии советских корейцев в защите Союза ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Это была новая страница истории советских корейцев.

Второе издание монографии «Россия и Корея» принадлежит крупному ученому, специалисту по истории России и российско-корейских отношений Б.Д. Паку [44]. Ценность представленного исследования в том, что автор по крупицам выстроил процесс

самого становления и развития отношений между государствами, воссоздал их реальную картину.

Основным направлением политики России в корейском вопросе в 1860–1910 гг., отмечает автор, являлось активное противодействие экспансионистской политике цинского Китая и установлению японского господства в Корее. Россия последовательно выступала за сохранение статус-кво в Корее, чтобы она не стала орудием политики враждебных агрессивных государств. Более того, политика России в значительной степени содействовала проведению внешнеполитического курса корейского правительства, направленного на сохранение независимости страны, укрепление экономического и военного потенциала [44, с. 416-419].

Трудно согласиться с выводами Б.Д. Пака о том, что российские авторы и публицисты конца XIX – начала XX в. в своих трудах чрезмерно идеализировали политику царского самодержавия в Корее и в других странах Востока. Оправдывая ее, пишет Б.Д. Пак, они в то же время осуждали колониальную политику других государств. Их методология во многих отношениях была сходна с методологией буржуазных историков других стран. В работах русских исследователей критикуется политика Китая, Японии и других держав в Корее, а политика русского самодержавия обеляется [44, с. 7]. Однако новые документы, публикуемые в данной работе, доказывают, что российские власти проводили государственную политику, направленную на защиту интересов Российской империи и на сохранение ее границ, о чем и писали современники того периода.

Интерес к этому труду вызывает и позиция России как потенциального союзника Кореи, ее противостояние Японии и другим агрессивным государствам в превращении Кореи в японскую колонию. Однако Россия, потерпевшая поражение в русско-японской войне (1904–1905), не имела возможности помешать Японии, и вынуждена была примириться с потерей независимости и суверенитета Кореи в результате ее аннексии в августе 1910 г.

В монографии Б.Б. Пак «Российская дипломатия и Корея» [41] подробно рассматривается дипломатическая история российско-корейских отношений после подписания второго русско-корейского договора – Договора о сухопутной торговле (1888). Завершается она исследованием взаимоотношений России и Кореи в период пребывания корейского вана Коджона в русской миссии в 1896–1897 гг.

На рубеже XIX и XX веков происходит ослабление внимания России к Корее за счет усиления борьбы за укрепление экономических, военных и стратегических позиций в Маньчжурии. Наступление такого поворота в дальневосточной политике России было юридически оформлено Токийским протоколом Ниси–Розена 25 апреля 1898 г., согласно

которому царское правительство признало преобладающие экономические интересы Японии в Корее и обязалось не препятствовать развитию торговых и промышленных сношений между Японией и Кореей [41, с. 226]

Две последние работы значительно обогащают историографию российско-японско-корейских дипломатических отношений на Дальнем Востоке в начале XX в., являясь основными источниками в исследовании советско-японско-корейских отношений в 1920–1930 гг. Главные направления политики царской России на Дальнем Востоке были продолжены молодой Советской республикой.

Привлекают внимание публикации серии «Российские корейцы». Они издавались при поддержке Общероссийского объединения корейцев (ООК). Работы посвящены главным образом патриотам и борцам за освобождение Кореи от японских угнетателей. В их числе Ли Бомджина (1852–1911) [32] — корейского политика и дипломата, Ким Мангёма (И.С. Серебряков) (1886–1938) [15] — известного корейского общественного деятеля в Приморье, а также о корейском патриоте, революционере и интернационалисте Хан Мёнсе (1885–1937) [63]. Эти работы можно причислить к первым исследованиям в историографии истории российских корейцев. Они посвящены личностям, принимавшим активное участие в социально-экономическом строительстве Дальнего Востока.

Многие сюжеты истории советских корейцев Дальневосточного региона в рассматриваемый период содержатся и в публикациях Е.Н. Чернолуцкой, которые касаются главным образом вопросов миграции и существенно дополняют историю корейской общности на Дальнем Востоке [64].

В 2009–2010 гг. на Сахалине опубликована монография А.Т. Кузина «Исторические судьбы сахалинских корейцев» в трех книгах. Автор трилогии представил комплексный анализ корейского этнического компонента в миграционных процессах на территории Сахалинской области со второй половины XIX до начала XXI вв. А.Т. Кузин отмечает, что приоритетами государственной политики в отношении сахалинских корейцев должны быть укрепление юридического и морального базиса организации их жизнедеятельности, повышение уровня утраченной национальной самобытности, расширение связей со своей исторической родиной — Кореей — в интересах развития российско-корейских отношений и мирового сообщества [29].

Зарубежная литература о дореволюционной истории корейских переселенцев на Дальнем Востоке является менее исследованным объектом историографического анализа, чем российская.

Двухтомный труд английской путешественницы И. Бишоп [68] содержит описание социально-экономического положения корейских переселенцев на юге Приморья. Назвав

их «процветающим фермерским классом», Бишоп отмечала крайне тяжелое положение крестьян в самой Корее.

В середине 1950-х гг. появляются на Западе первые научные труды, в которых встречаются упоминания и некоторые сведения о российских (советских) корейцах. К таким исследованиям относится книга западногерманского политолога (советолога) В. Коларза [69]. Содержащиеся в ней как достоверные сведения об иммиграции корейцев на российский Дальний Восток, хозяйственной и культурной адаптации, производственной деятельности, развитии сети национальных школ, печати и литературы, так и спорные, подлежащие уточнению и корректировке данные. Например, о численности советских корейцев в 1920-х гг., которая оценивается автором в 300 тыс. чел., однако, по официальным данным, – около 200 тыс. корейцев.

Известный представитель зарубежной историографии А. Малоземов считает, что первый Приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф ограничил возможности корейцев вступать в подданство России и «сократил время пребывания корейцев на русской территории». Вероятно, автор имеет в виду существовавшее деление корейцев в правовом отношении на три категории. А. Малоземов также считает, что «русско-корейский договор 1888 г. запретил корейскую иммиграцию в русские владения» [70]. Публикуемые в данном сборнике архивные документы противоречат выводам А. Малоземова: неправомерно считать, что судьба корейцев зависела напрямую от генерал-губернаторов Приамурья — проводилась государственная политика, направленная на сохранение мира на русском Дальнем Востоке. Переписка губернаторов с высшим руководством Российской империи доказывает лояльность властей к корейскому населению, желание сохранить эту группу населения в Приморье. Напротив, Русско-корейский договор 1888 г. предписывал, что корейцы, переселившиеся в русские пределы до заключения русско-корейского договора и ставшие русскими подданными, будут пользоваться в России и Корее правами, равными с другими русскими подданными (См. док. 32*).

Далее, если корейцы и 2-й, и 3-й категории, получив «русский билет», выполняли установленные законом формальности, они могли жить в России сколько угодно. В договоре оговаривается недопущение самовольного оседания корейцев на русской земле на постоянное жительство, хотя эта договоренность не соблюдалась из-за недостатка контроля со стороны как русских, так и корейских властей (См. док. 34, 35, 36, 37)

В книге Цой Чин Ёна [66, с.83] описан начальный период корейской иммиграции в Приамурье. Автор подчеркивает, что земли, лежащие на северной стороне рек Амноккан и Туманган, всегда рассматривались в Корее как запретные. Тем не менее, под страхом смерти, нарушая закон своей страны, корейцы тайно переселялись в Уссурийский край.

Дж. Гинсбургс (США) [71] известен своими исследованиями политической системы ряда социалистических (уже бывших) стран. Ему принадлежат монографии «Советские законы о гражданстве» и «Советская литература о Корее» (1945–1970). С середины 1970-х гг. до настоящего времени им опубликовано несколько статей о правовом статусе корейцев в России и в СССР, одна из них — статья «Статус гражданства корейцев в дореволюционной России и в первые годы советской власти».

В 1980-х гг. наибольшую активность в изучении прошлого и настоящего российских корейцев проявляют ряд ученых западных стран — выходцев из Республики Кореи, среди них Шин Юн Ча [72], Ко Сон Му, Но Енг Дон, Н. Адами, Ли Гван Гю, Тен Генг Су и др.

Среди них особого внимания заслуживает монография профессора Хельсинского университета Ко Сон Му [73], освещающая довольно широкий спектр проблем: история появления корейцев в России и насильственного переселения в Казахстан и Среднюю Азию; современная этнокультурная жизнь *корё сарам* (этнические корейцы); рисоводство в корейских колхозах и совхозах; язык и речь; корейский театр и литература. Весьма ценную часть исследования составляют приложения: географические карты СССР, фотографии, указатель географических наименований и обстоятельный именной указатель. Монография Ко Сон Му встретила довольно положительную оценку научной общественности.

В 1987 г. Корееведческий центр Гавайского университета издал 12-й том своих трудов под заголовком «Корейцы в Советском Союзе». Авторами этого труда являются Хара Тереуки [74], профессор университета префектуры Айчи, опубликовавший в сборнике статью «Корейское движение в русской Приморской области 1905–1929 гг.» (Книга о корейцах в революционном движении в Сибири); Вада Харуки, профессор Токийского университета, выпустивший 2-томное исследование истории России, которому принадлежит статья «Корейцы на советском Дальнем Востоке, 1917–1937 гг.» [75].

Правовой статус корейцев в Союзе ССР и изменения в связи с крушением союзного государства и образованием независимых республик, а также новые внешнеполитические реалии и расширение связей с Республикой Кореей привлекают к себе внимание юристов-международников.

Докторская диссертация Но Енг Дона посвящена вопросам «правовой защищенности корейского меньшинства в Советском Союзе». Доктор Но полагает, что соответственно южно-корейскому законодательству о гражданстве, *корё сарам* должны пользоваться правовой защищенностью Сеула и теоретически могут рассчитывать на возможные репатриации.

Пак Хван из университета Сувон в своей монографии «История национального движения корейцев России» [47] на основе довольно обширного массива российских источников на корейском и русском языках исследует вопросы истории создания и деятельности корейских национальных обществ, организации на Дальнем Востоке национально-освободительного и партизанского движения против белой армии и японских интервентов. В книге приводятся широко известные и новые материалы об одном из лидеров революционной борьбы на Дальнем Востоке Александре Ким-Станкевич. Работа выгодно отличается своей новизной, так как в ней автор впервые использовал материалы таких корейских газет, как «Хэчон синмун», «Тэдонг конгбо», «Квонъэб синмун», издававшихся на Дальнем Востоке, а также архивные документы о деятельности таких корейских обществ как «Квонъобхве».

Появились первые книги, которые представляют собой результат коллективного труда ученых из СНГ и Республики Корея. Первый опыт представлен монографией «История переселения советских корейцев» П.Г. Кима из Узбекистана и Банг Сан Хена из Республики Корея [16].

Ким Тхэк и Кан Енг Квон, постоянно проживающие в Китае, написали и издали в Сеуле документальную биографическую повесть о Хон Бом До, герое партизанского движения на Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Пожалуй, на сегодняшний день это самое подробное описание жизни и героической борьбы корейского полководца [19]. В документах представленного сборника упоминается деятельность партизанского командира Хон Бом До (См. док. 145).

Пан Бён Ньюль (Университет иностранных языков, Республика Корея, Сеул) занимается исследованием истории антияпонского движения на территории России, выявлением участников Первомартовского движения. В своей работе «Слободка Синханчхон и корейская община в России» [48] автор раскрывает роль и значение первого корейского поселения в окрестностях Владивостока, подробно в хронологическом порядке описывает корейскую общину этой слободки, процесс изменения ее состава, их общественно-политические мировоззрения, религиозные и культурные направления.

Юн Сан Вон (профессор Университета Чонбук, г. Чонджу, Республика Корея) в 2013 г. на конференции, посвященной 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию, выступил с докладом «Попытка подготовки и проведения торжества, посвященного 50-летию переселения корейцев в Россию» [76, с. 85–94]. В статье подробно рассказывается об инициаторах этого мероприятия, о принятом Приморскими властями решении о праздновании юбилейной даты – 50-летия переселения корейцев в районы

Приморья и Дальнего Востока России, о подготовке и дальнейших событиях, отменивших эти мероприятия.

В 2015 г. с корейского на русский язык переведена книга «История движения за независимость Кореи». Авторы книги Ким Сан Ги, Пан Бён Юль, Джан Гю Сик, Хан Си Джун представили подробный научный анализ истории сопротивления и борьбы с японским колониализмом с конца XIX в. и до освобождения Кореи в августе 1945 г. Подробно описано протестное движение за рубежом: в Маньчжурии, России, Китае и США [17].

Хотелось бы отметить все возрастающий в последние годы интерес к корейцам в России и в других странах СНГ со стороны южнокорейских ученых. Если до 2000 г. в Республике Корея на научных конференциях редко упоминалась Россия, а российские корейцы оставались в зоне «табу», то в последнее десятилетие ситуация кардинально изменилась. В 2013 г. в Сеуле Университет Донгук организовал конференцию, посвященную 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Практически ежегодно в Республике Корея проводятся конференции, посвященные корейцам России и стран СНГ.

В 2014 г. в Хабаровске прошла международная научно-практическая конференция, посвященная 150-летию добровольного переселения корейцев в Россию. В сборнике материалов «История переселения и современное положение корейцев в России» [13] по итогам этой конференции представлены труды ученых России, КНДР и Республики Корея. Темы докладов освещают широкий спектр проблем истории российских корейцев, российско-корейских отношений, вопросы культуры. Что касается рассматриваемого нами периода, то стоит обратить внимание на работы В.С. Акуленко [1, с. 34-41] и Ю.В. Аргудяевой [4, с. 41-49].

В 2004 г. опубликован сборник документов и материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока «Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX–начало XX вв.). Документы и материалы» в двух книгах [24] и [25]. Сборник знакомит читателя с политикой русской администрации по урегулированию процесса корейской иммиграции в Приамурский край, с мерами, предпринимавшимися на различных этапах и направленными на ограничение нелегальной эмиграции, с участием корейских граждан в национально-освободительной борьбе. Вторая книга хронологически продолжает предыдущую и знакомит с участием корейского народа в революционном и национально-освободительном движении на территории российского Дальнего Востока.

Важной для изучения названной темы публикацией явилась изданная в 2004 г. Институтом востоковедения РАН книга «Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг.» [23]. Приведены яркие свидетельства участия корейцев после установления советской власти в социально-экономическом, культурном строительстве в районах Дальнего Востока. В книге раскрыты и другие аспекты жизни корейцев в Союзе ССР, что также крайне необходимо для всестороннего исследования темы.

В серии «Российские корейцы» опубликован сборник документов «Корейцы в Союзе ССР – России: XX век. (История в документах)», приуроченный к 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию [22]. Впервые в книге-хронике комплексно опубликованы документы о жизни и деятельности корейцев в XX в. в Союзе ССР (России). Большой комплекс документов посвящен принудительному переселению корейцев с Дальнего Востока в районы Центральной Азии и в Сталинградскую область, а также, последовавшей за этим в 1990-х годах реабилитации корейского этноса.

Таким образом, в начале XXI в. анализ состояния разработки проблем истории российских корейцев свидетельствует о том, что за последние годы удалось накопить большой массив исторического материала о жизни корейского этноса в Российской империи, СССР и России. На богатом фактическом архивном материале раскрыты многие неизвестные стороны истории корейцев в России,

Современная историография о судьбах корейцев в России, как отечественная, так и зарубежная, не лишена и недостатков, из которых можно назвать однобокость отдельных исследований. Многие авторы уделяют внимание главным образом политическим проблемам развития корейской общности, обходя стороной социальные аспекты. Зачастую игнорируется сложность исторической обстановки, в контексте которой происходило переселение корейцев в Приамурский край, не учитывались неординарные социальные перемены в жизни многонационального региона, происходившие в исторический период выхода России на берега Тихого океана.

В коллекции документов о российско-корейских отношениях (1821 по 1909 гг.), представленной Архивом внешней политики Российской империи, всесторонне отражены события почти столетнего периода российской государственности. Талантливым дипломатам русской дипломатической школы приходилось преодолевать различного рода возникавшие коллизии в отношениях между государствами.

Важные межгосударственные документы, дипломатическая переписка между двумя государствами, переписка МИД Российской империи с генерал-губернаторами Восточной Сибири и Приморья дают возможность ознакомить читателя с комплексом документов о

начальном этапе российско-корейских отношений, где неотъемлемой частью являются и миграционные процессы на русский Дальний Восток, связанные с корейцами из Кореи.

Документ, с которого и начинается отсчет российско-корейских дипломатических отношений – Торговый договор (13 статей), подписанный 25 июня / 7 июля 1884 г. между Россией и Кореей, а также Правила торговли русских в Корее (См. док. № 25*). В сборнике они представлены в оригинальном виде на русском и китайском языках, а также оригиналы ратификационных грамот по договору.

Коллекция документов содержит переписку русских дипломатов, работавших в этот период в Корее, Китае, Японии: А.Н. Шпейера, А.И. Павлова, К.И. Вебера – выдающегося российского дипломата, первого российского дипломатического представителя в Сеуле.

Долгих 12 лет Карл Вебер прослужил в Корее на этом поприще, он был принят в корейском истеблишменте, хорошо ориентировался на Востоке, внесенный им огромный вклад в развитие и укрепление отношений между двумя дальневосточными соседями – Россией и Кореей — в сложный, можно сказать, трагический период для корейского государства, неоценим.

Немаловажны заслуги К.И. Вебера в подготовке и подписании важных для России двусторонних Правил для сухопутной торговли с Кореей (9 статей) (См. док. № 33*). Впервые россиянам представилась возможность ознакомиться с верительными грамотами чрезвычайных посланников и полномочных министров корейского императора при российском дворе Мин Ён Хвана (См. док. № 58*, 66*) и Ли Бом Джина (См. док. № 82).

Не менее важная часть документов Архива внешней политики Российской империи о добровольном переселении корейцев в Приамурье в конце XIX – начале XX вв. охватывает период с 1866 по 1915 гг. и содержит 19 документов. Помещена переписка Азиатского департамента МИД России с генерал-губернаторами Приморского края, Восточной Сибири о переселении корейцев в Россию.

Зимой 1869–1870 гг. в Южно-Уссурийский край переселились 6543 корейца, из них 5134 чел., или более 80% не имели никаких средств к существованию. Таким образом, в 1871 г. на русскую территорию переселилось 25 корейских семей, в 1872 г. – 22, в 1873 г. – 18, в 1874 г. – 28, в 1875 г. – 73, в 1876 г. – 32, в 1877 г. – 25, в 1878 г. – 37, в 1879 г. – 46, в 1880 г. – 46, в 1880 г. – 30, в 1881 г. – 3, в 1882 г. – 52, в 1883 г. – 85 и в 1884 г. – 132 семьи. Всего за 1871–1886 гг. в Россию переселилось 847 семей корейцев [48, с. 75, 85].

В связи с большим наплывом корейских иммигрантов на русский Дальний Восток между директором Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоуховым и генерал-губернатором Приморского края шла активная переписка (См. док. № 14*, 15*, 17*).

Российское руководство было вынуждено ввести для корейских переселенцев правила, касающиеся эмиграции и возмещения корейцами ссуд (См. док. № 19*).

В сообщениях генерал-губернатора Приморского края М.С. Корсакова директору Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухову сообщается о массовом самовольном переселении корейцев в Россию (из-за голода в конце 1860 г. переселились 1850 человек без средств к существованию). Российские власти, несмотря на нехватку запасов продовольствия, обеспечили корейцев казенным хлебом и выдали деньги для «самых крайних нужд»; разместив переселенцев в Южно-Уссурийском крае (См. док. № 14*, 15*).

В письме директора Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухова генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову выражается одобрение его действиям в отношении корейских переселенцев и их некомпактному расселению вдали от границы, отмечая при этом, что «Мы можем только радоваться увеличению населения в наших пустынных областях, и при том такого населения, которое своим трудолюбием и склонностью к хлебопашеству и другим отдельным занятиям подает лучшие надежды к скорейшему водворению прочного гражданского благоустройства в том краю». П.Н. Стремоухов отмечает, что необходимо определить правила водворения корейцев вдали от пограничной черты и по возможности расселять между русскими деревнями с целью «скорейшего обрусения их и слияния с прочим населением края» (См. док. № 17*).

Более жесткие меры в отношении корейцев-переселенцев были приняты 21 июня 1910 г. Совет министров обнародовал закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве (Собр. узакон., ст. 1290).

В частности, в указанных местностях был в виде общего правила запрещен наем упомянутых лиц на работы, необходимые для надобностей казенных управлений, с разрешением, однако, Совету Министров допускать в особых случаях, при невозможности точного соблюдения этого правила, отдельные из него изъятия. Законом не устанавливались какие-либо различия между рабочими желтой и белой рас, ограничения касались исключительно иностранных подданных (См. док. № 143*).

Согласно этому закону корейцы с русским подданством имели право работать на постройке Амурской железной дороги (См. док. №154*), во Владивостокском торговом порту (См. док. № 165*), на золотых приисках (См. док. № 166*).

Важные статистические данные содержатся в Ведомости корейским подданным, проживающим в Приамурском крае, коим испрашивается в виде исключения разрешение

на принятие в подданство России от 4 февраля 1911 г. численностью в 1981 человек. Список был утвержден императором Николаем II 25 апреля 1911 г. (См. док. № 164*).

8 июня 1913 г. в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел рассматривался список корейских граждан численностью 2587 чел., ходатайствовавших о принятии их в подданство России (См. док. № 170*).

Впервые читателю представлены сведения о корейских церковно-приходских школах Владивостокской епархии, составленные Протоиереем П. Соколовым. Во Владивостокской епархии к 1913 г. состояло 23 церковно-приходские школы – 3 двухклассных и 20 одноклассных, в которых обучались корейцы или исключительно, или в преобладающем количестве. В этих школах состояло учащихся: корейцев – 1260, русских – 24 чел. (См. док. № 175*).

В составе представленной серии документов особую ценность имеет «Донесение чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе в Первый департамент МИД России об организации Комитета по устройству празднования пятидесятилетия переселения корейцев в Приамурский край, о проекте предстоящего празднования, намеченного на 21 сентября 1914 г.» (См. док. № 185*).

На наш взгляд, читателям будет важно узнать о Проекте представления министра внутренних дел России в Государственную Думу «Об условиях вселения в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства иностранных подданных и проживания их в пределах означенных местностей» (См. док. № 174*); о культурной роли корейцев в качестве земледельцев. В документе отмечается, что в 1911 г. 8209 семей (свыше 65000 чел.) заявили о желании перейти в русское подданство. Высокую оценку дают российские власти корейским переселенцам в Российскую империю: «С политической точки зрения, корейские выходцы также не вызывают против себя каких-либо подозрений в смысле приверженности чуждым России государственным и национально-политическим идеалам».

Исследователи отмечают, что администрация русского Дальнего Востока не видела никаких причин к запрету корейской иммиграции как в связи с малочисленностью переселяющихся из Кореи, так и ввиду наличия в Приморской области больших незаселенных пространств и большого спроса в Южно-Уссурийском крае на рабочие руки. На все устные просьбы корейских крестьян разрешить им поселиться, например, недалеко от Новгородского поста, обычно давались положительные ответы. Это обстоятельство имело своим последствием корейскую иммиграцию в форме беженства в Россию без предварительного «испрашивания» разрешения на переселение.

Содержание документов убедительно иллюстрируют изменения во внешней политике между Россией и Кореей, отражавшиеся на жизни и судьбах корейцев, переселившихся на русскую землю. Бесспорно, на улучшение или ухудшение этих отношений всегда влияли отношения с Японией.

История миграции корейцев на русский Дальний Восток, как и история бегства и пребывания корейского короля Коджона в русской миссии в Сеуле не имеет аналогов во всемирной истории. Ни в одной стране мира и ни с одним народом не поступали так толерантно, как русские, принимавшие и предоставлявшие корейцам наравне с коренным населением одинаковые права. Ни в одной стране мира не было подобного инцидента с корейским королем Коджоном¹ после годичного пребывания в русской миссии, не получив каких-либо политических и экономических преференций от короля Коджона (См. док. № 56*).

История иммиграции корейцев в Россию играла важную роль в становлении и развитии русско-корейских отношений. При составлении сборника документов логично было показать документы в одной плоскости и в хронологической последовательности.

Первоначально коллекция документов состояла из 30 документов Российской имперской канцелярии, содержащих переписку с дипломатическим корпусом русской миссии в Сеуле, верительные грамоты, донесения, договоры и 19 документов о добровольном переселении корейцев в Приамурье в конце XIX – начале XX вв. Указанные два блока документов в сборнике объединены в хронологической последовательности. Как уже отмечалось, история переселения корейцев в Россию и российско-корейские отношения представляют собой единую цепь в выстраивании межгосударственных отношений и диалога двух культур, двух народов.

При составлении сборника трудно было обойти стороной капитальное исследование А.И. Петрова об иммиграции корейцев в Россию, гармонично дополнявшее содержание архивных документов и материалов Архива внешней политики Российской империи. В сборник включены Хронология и Приложения со ссылками на монографии «Корейская диаспора на Дальнем Востоке России 60–90-е годы XIX века» (Владивосток, 2000) и «Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг.» (Владивосток, 2001).

В сборник включены также документы из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, опубликованные в двухтомной монографии «Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.), подготовленной

¹ В современном мире подобные примеры можно соотнести к Эдварду Сноудену и к Джулиану Ассанжу, вынужденным просить политическое убежище при наличии прямой угрозы жизни.

под руководством директора РГИА ДВ Н.А. Торопова и охватывающей период со второй половины XIX в. до 1918 г. В книге собран максимум документов и материалов о миграции корейцев на Дальний Восток в дореволюционный период, опубликованных до настоящего времени, и чтобы выделить из этого массива публикуемые впервые документы они были отмечены звездочкой с аннотацией (выделено курсивом).

Составитель пытался максимально точно и полно воспроизвести события, описываемые в документах, восстанавливая их в хронологической последовательности. Принципы издания приближены к факсимильной передаче текстов, документы публикуются без купюр, сохранены заголовки документов, указания на грифы секретности, сохранены «пометы» на документах, как машинописные, так и рукописные, и т. д.

Текст документов воспроизводится согласно правилам современной орфографии. Орфографические ошибки, опечатки исправлены без оговорок. Написание имен, фамилий, географических названий не унифицировано, все разночтения вынесены в указатели со ссылкой или даются в скобках. Фрагменты текста с аннотацией документа и авторов выделены курсивом. Фамилии известных общественных и политических деятелей даются в современной транскрипции (Ли Бом Джин, Ли Сан Соль, Ли Бом Юн и др.). Проблема транскрипции корейских имен в российском корееведении продолжает оставаться в поле зрения исследователей [39]. Поскольку предлагаемая публикация предназначена не только для специалистов-корееведов, но и для широкого круга читателей, то корейские имена собственные записаны отдельно согласно международным стандартам.

Большинство документов датировано. Даты, установленные составителем, даются как в документе. Все документы публикуются полностью, без извлечений.

Каждый документ снабжен аннотированным заголовком, содержащим общую характеристику источника (разновидность, автор, адресат, содержание).

Легенда содержит поисковые данные (шифр документа), указание на подлинность, способ воспроизведения.

Научно-справочный аппарат сборника состоит из предисловия, вводной статьи, заключения, списка сокращений, именного указателя, приложений, таблиц, перечня публикуемых документов.

Составитель выражает искреннюю благодарность за предоставленные документы Департаменту Азиатско-Тихоокеанского региона МИД РФ, Российскому государственному историческому архиву Дальнего Востока, а за помощь и техническую поддержку — дочери Инне (Диане) Ким.

Библиографические ссылки

1. *Акуленко В.С.* Контакты между русскими и корейцами до установления официальных отношений между российской империей и королевством Чосон // История переселения и современное положение корейцев в России: материалы междунар. научно-практ. конф. / Под ред. Н.А. Макухи. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2014. – 185 с.
2. *Алябьев А.А.* Далекая Россия: Уссурийский край. СПб., 1872. – 115 с.
3. *Аносов С.Д.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск — Владивосток: Книжное дело, 1928. – 86 с.
4. *Аргудяева Ю.В.* Взаимодействие культуры корейцев и восточнославянского населения в Приморье (вторая половина XIX – 30-е годы XX века) // История переселения и современное положение корейцев в России: материалы междунар. научно-практ. конф. / Под ред. Н.А. Макухи. – Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2014. – 185 с.
5. *Арсеньев В.К.* Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг. Хабаровск, 1912. – 324 с.
6. *Буссе Ф.Ф.* Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг. — СПб., 1895. – 214 с.
7. *Вагин В.И.* Корейцы на Амуре // Сб. историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. — Т. 1. — Вып. 2. — СПб., 1875. — С. 1 – 29.
8. *Вебель Ф.* Поездка в Корею Генерального Штаба подполковника Вебеля летом 1889 года // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. 41. — СПб., 1890.
9. См.: *Венюков М.И.* Очерки Крайнего Востока // Вестник Европы. — 1871. — Т. II; *Венюков М.И.* Опыт военного обозрения русских границ в Азии. — СПб., 1873; *Венюков М.И.* Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. — Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1952. – 80 с.
10. *Гарин Н.Г.* Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). — М.: Географгиз, 1949. – 448 с.
11. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия. — М.: Географгиз, 1951. – 608 с.
12. *Григорцевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1907 гг. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1955. – 602 с.
13. История переселения и современное положение корейцев в России. — Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2014. – 185 с.
14. *Ким Г.Н.* История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в.–1945 г. — Кн. 1. Алматы: Дайк-пресс, 1999. – 424 с.
15. *Ким Мангём (И.С. Серебряков).* / Сост. Пак Б.Д. – 2 изд., испр. и доп. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007. – 224 с.
16. *Ким П.Г., Банг Сан Хен.* История переселения советских корейцев. — Сеул, 1994. – 285 с.
17. *Ким Сан Ги, Пан Бён Юль и др.* История движения за независимость Кореи. — Сеул, Изд-во Мемориал движения за независимость Кореи, 2015. 327 с.
18. *Ким Сын Ха.* Очерки по истории советских корейцев. — Алма-Ата: Наука, 1965. – 252 с.
19. *Ким Тхэк, Кан Енг Квон.* Полководец Хон Бом До. Сеул, 1996. 419 с.

20. *Киммангём И.* Советское строительство среди корейского населения // Советское Приморье. — Владивосток, 1926. — № 1 – 2. — С. 199 – 206.
21. *Кириллов А.В.* Корейцы села Благословенного: (Историко-этнографический очерк) // Тр. Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. — Вып. 1. — Хабаровск, 1895. — С. 1 – 13.
22. Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. (История в документах) / Сост. Н.Ф.Бугай. — М.: ИНСАН, 2004. — 304 с.
23. Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. / Сост. Б.Д. Пак. М., Изд-во Ин. Востоковедения РАН, 2004. - 343 с.
24. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX–нач. XX вв.). Документы и материалы в 2-х кн. / Сост.: Н.А.Троицкая, К.Б.Абрамова, И.Е.Каргинова, О.В.Усталова, Н.М.Черепанова. — Кн. 1. — Владивосток: РГИА ДВ, Инф.-рекл. агентство «КомсомолкаДВ», 2004. — 404 с.
25. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) / Сост.: Н.А.Троицкая, К.Б.Абрамова, Е.М.Гончарова, Е.Д.Яворская. — Кн. 2. — Владивосток: РГИА ДВ, Инф.-рекл. агентство «КомсомолкаДВ», 2004. — 360 с.
26. См.: *Кремянский С.В.* Национальный состав сельского населения Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. — Владивосток, 1924. — № 4. — С. 32–40; *Салтыков Н.Н.* Территория и население Приморской губернии // Экономическая жизнь Приморья. — Владивосток, 1924. — № 6 – 7. С. 43–64.
27. *Крюков Н.А.* Некоторые данные об урожае хлебных растений в Приамурском крае в 1891 году. — Благовещенск, 1892. — 39 с.
28. *Кузин А.Т.* Дальневосточные корейцы: Жизнь и трагедия судьбы. — Южно-Сахалинск: Сахалинское отд. Дальневосточного книжн. изд-ва; Литературно-издат. объединение «Лик», 1993.
29. *Кузин А.Т.* Исторические судьбы сахалинских корейцев. Монография в трех книгах. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжн. изд-во, 2009 – 2010. Т. I — 262 с., Т. II — 336 с., Т. III — 384 с.
30. *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. (1905–1945). — М., Изд-во социально-экон. Лит-ры, 1961. — 289 с.
31. См.: *Лазарев В.* Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов // Государство и право. — 1994. — № 12 С. 21 – 26; *Цой Б.С.* Социально-экономические аспекты народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. — 1994. — № 12 С. 12 – 20; *Коцонис А.Н.* Правовая база реабилитации депортированных народов // Инф. бюллетень Миннаца России “Федерация и народы России”, 1997. — № 1 (11). С. 14 – 21; *Жамсуев Б.Б.* Реабилитация и законность // Человек и право. — 1997. — № 2 С. 43 – 5; *Бугай Н.Ф.* Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века): Книга-мониторинг. — М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2006. — 464 с. и др.
32. *Ли Бомджин.* / Сост. Пак Б.Д. — М.: Институт востоковедения РАН, 2002. — 206 с.
33. *Надаров И.П.* Материалы к изучению Уссурийского края // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. 26. — СПб., 1887. — С. 91–150.

34. *Нам С.Г.* Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.). — М.: Институт востоковедения РАН, 1998. — 189 с.
35. *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. — 900 с.
36. См.: *Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. Первая. С конца XVI в. до 1917 г. М.: Мысль, 1973 — 326 с.; *Ефимов Г.В., А.М. Дубинский.* Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга вторая. 1917–1945 гг. М.: Мысль, 1973 — 294 с.
37. *Насекин Н.А.* Корейцы Приамурского края: Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Тр. Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1895 г. — Хабаровск, 1896. — С.1–36.
38. *Нихамин В.П.* Дипломатия русского царизма в Корею после японо-китайской войны (1895–1896) // Учёные записки. История международных отношений и история зарубежных стран. М.: Изд-во ин-та междунар. отношений 1957. С. 137 — 142.
39. См.: *Нойдорж Г.* Корейские имена нужно писать отдельно // Сеульский вестник. 22.02.2011. Интернет ресурс: <http://vestnik.kr/opinion/3982.html?print>; *Ланьков А.* Как Ким Ильсон стал Ким Ир Сенем. Интернет-ресурс: <http://lenta.ru/articles/2015/05/23/kimchenir/> 23 мая 2015; *Сон Ж.Г., Ким А.В.* Применение систем САТ (Computer assisted translation tools) для перевода исторических текстов //Методика преподавания восточных языков: актуальные проблемы преподавания перевода»: III Международная конференция (Москва, НИУ ВШЭ) Председатель редакционной коллегии В.В. Аникина, отв.ред. А.И. Янишевская. М., Грифон, 2015. — С. 182 — 196.
40. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны / Ред. Н.Ф. Бугай. М.: Новый хронограф, 2005. 352 с.
41. *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. — 272 с.
42. *Пак Б.Д.* Корейцы в Российской империи. (Дальневосточный период). М.: Международный центр корееведения МГУ имени М.В. Ломоносова, 1993. — 262с.
43. *Пак Б.Д.* Корейцы в Советской России (1917 — конец 30-х годов). Москва, Иркутск. С.-Петербург: Изд-во Дип. Академия, 1995. — 260 с.
44. *Пак Б.Д.* Россия и Корея. Издание второе, дополненное, — М.: Институт востоковедения РАН, 2004. — 520 с.
45. *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. — М.: Институт востоковедения РАН, 2004. — 464 с.
46. *Пак М.Н.* Об исторических судьбах советских корейцев // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 5. — С. 184-188.
47. *Пак Хван.* История национального движения корейцев России. Сеул: Минсоквон, 1995. (1-е издание); 1997. (2-е издание). — 235 с.
48. *Пан Бён Нюль.* Слободка Синханчхон и корейская община в России / 1937 год. Российские корейцы: Приморье-Центральная Азия-Сталинград (Депортация). — М., Из-во «Гриф и К», 2004. — 287 с.

49. *Песоцкий В.Д.* Корейский вопрос в Приамурье // «Гр. командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции». Вып. XIа. — Хабаровск, 1913. — 188 с.
50. *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60-90-е годы XIX века. — Владивосток: ДВО РАН, 2000. — 304 с.
51. *Петров А.И.* Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. — Владивосток: ДВО РАН, 2001. — 400 с.
52. *Поджио М.И.* Очерки Кореи. СПб., 1892. — 225 с.
53. *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867-1869 гг. Сочинение Н. Пржевальского, Действительного члена Императорского Русского Географического Общества. С картою Уссурийского края. Издание автора. СПб., 1870. — III, 297 с.; Приложения 5 9с.
54. Пятьдесят лет Советскому Приморью: Хроника событий 1917-1967. Владивосток: Дальневосточное книжн. изд-во, 1968. — 367 с.
55. *Рагоза А.* Посьетский участок // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. 45. СПб., 1891. — С. 47-135; *Рагоза А.* Краткий исторический очерк переселения корейцев в наши пределы // Военный сборник. — СПб. — 1903. — № 6. — С. 206-222.
56. *Риттих А.А.* Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления А.А. Риттиха — СПб., 1899. — IV, 158 с.
57. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. Изд. второе, испр. и доп. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 696 с.
58. См.: *Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма (1892–1906). — Л.: Из-во Восточного института, 1928 — 608 с.; *Аварин В.Я.* Империализм в Маньчжурии. Т. 1 — 2. — М.-Л.: ОГИЗ, 1931–1934 — 416 с.; *Попов А.Л.* От Босфора к Тихому океану // Историк-марксист. 1934 № 3. С. 3 — 28; *Попов А.Л.* Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 гг. // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 38 — 57 и др.
59. *Россов П.* Корея в конце 1905 г. и начале 1906 г. — Харбин, 1906. — 84 с.; *Россов П.* Национальное самосознание корейцев. — СПб., 1906.
60. *Шмидт Ю.П.* Япония и ее обитатели. С приложением очерка «Корея и корейцы». — СПб.: Брокгаузъ-Ефронъ, 1904. — 362 с.
61. *Смирнов Е.Т.* Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в городе Хабаровске. — Хабаровск, 1899. — II, 466с.; Приложения 214 с. *Смирнов Е.Т.* Отчет по поездке в Корею. — Хабаровск, 1902. — 365 с.
62. *Унтербергер П.Ф.* Очерк Приморской области. 1856–1898 гг. СПб., 1900. С. 110.
63. Хан Мёнсе (Хан Андрей Абрамович) / Сост. Пак Б.Д. М.: ИВ РАН, 2005. — 202 с.
64. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на Советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Автореф. ... д.и.н. Владивосток, 2012.
65. АВПРИ. Фонд Библиотека Азиатского департамента МИД, д. 49, л. 3, 128-130 об., подлинник, рус. яз.
66. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 36. Отделение 1-е. 1861. От № 36490-37190. СПб., 1863. № 36928. С. 682.
67. *Ching Young Choe.* The rule of the Taewon gun, 1862–1873 . Restoration in Yi Korea. — Cambridge: Harvard university press, 1972. — 256 с.

68. *Bishop I.L. B.* Korea and Her Neighbours. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country. Second Impression. Vol. 2. L., 1898. – X, 324 p.
69. *Kolarz W.* The People of the Soviet Far East. N.Y.: Fredrick A. Praeger. 1954. – 352 с.
70. *Malozemoff A.* Russian Far Eastern Policy: 1881–1904. With the special emphasis on the causes of the Russo-Japanese war. — Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1958. – VI, 358 p.
71. *Ginsburgs G.* The Citizenship Status of Koreans in the Prerevolutionary Russia and the Early Years of the Soviet Regime // Korea and World affairs. — 1975. — Vol. V. — № 2. — 68; *Ginsburgs G., Ginsburgs H.* A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // Asian Survey. — 1997. — Vol. XVII. — № 10. P. 34 – 45.
72. *Shin Youn – Cha.* Soviet Koreans and their Culture in the USSR ТАК? Koreans in the Soviet Union / Ed.: Dae-Sook Suh. Honolulu: University of Hawaii. 1987. – 453 p.
73. *Ко Сон Му.* Корейцы СССР: Корё Сарам. Сеул. 1989; *Kho Songmoо.* Koreans in Soviet Central Asia. — Helsinki. 1987. P. 362.
74. *Хаара Тэрююки.* Корейское движение на российском Приморье. // Столетняя история советских корейцев. — Сеул. 1989.
75. *Haruki Wada.* Koreans in the Soviet Far East 1917–1937. – Koreans in the Soviet Union. Honolulu: University of Hawaii. 1986. (Харуки Вада. Корейцы на советском Дальнем Востоке. 1917–1937. Корейцы Советского Союза. Гонолулу. Университет Гавайи. 1986. P. 256.